

18+

Алексей Готов

Осколки памяти

Алексей Готов

Осколки памяти

«Издательские решения»

Готов А.

Осколки памяти / А. Готов — «Издательские решения»,

Анна потеряла дочь. Или не потеряла. Или у неё никогда не было дочери. Она не знает. В её квартире зеркала покрываются трещинами, из динамиков звучат голоса, а воздух наполняется запахом ромашек — цветов, которые любила девочка. Или которые Анна себе придумала. Каждый день она режет овощи для супа, который не варит. Каждый день избегает запертой детской. Каждый день пытается не смотреть в зеркало. Но реальность трещит по швам, воспоминания меняются.

© Готов А.

© Издательские решения

Содержание

Акт 1. Тление	6
Глава 1. Запах ромашек	7
Никого	9
Планшет	10
Глава 2. Белый шум	13
Кисуня	14
И улыбнулась	16
П о м н и ш ь?	18
Колыбельная	19
Глава 3. Первый скол	20
Факты	21
Т ы н е с х о д и ш с у м а.	22
Т ы н и к о г д а н е б ы л а о д н а.	23
Тишина	24
П Р О В Е Р ь Ф А Й Л Ы.	26
И просыпалась	28
Глава 4. Правило трёх шагов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Осколки памяти

Алексей Готов

© Алексей Готов, 2026

ISBN 978-5-0070-5839-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Акт 1. Тление

Глава 1. Запах ромашек

Нож вошёл в морковь с сухим, чавкающим хрустом.

Анна даже не взглянула на разделочную доску. Правая рука двигалась сама — автоматизм, отработанный за четырнадцать месяцев траура. Лезвие стучало о пластик: тук-тук-тук-тук. Ритм, похожий на сердцебиение, но более ровный. Сердце Анны сбивалось каждые несколько ударов — кардиолог сказал, что это «синусовая аритмия на фоне психоэмоционального истощения», но Анна знала правду. Сердцу просто надоело.

Тук. Тук. Тук.

Морковь оранжевыми кружками ложилась на доску. Рядом уже стояла миска с луком — она нарезала его час назад, и он успел заветриться, покрыться тонкой прозрачной плёнкой. Анна не обратила на это внимания. Она вообще перестала замечать детали.

Сковорода на плите была пуста. Конфорка не горела.

Она резала овощи для супа, который не собиралась варить. Как и вчера. И позавчера. И триста семьдесят восемь дней до этого.

В квартире стояла тишина. Не та тишина, которая бывает, когда все уснули, и ты остаёшься наедине с холодильником. Другая. Вязкая. Тяжёлая. Она наваливалась на плечи, как мокрая простыня, заставляя Анну сутулиться. Тишина, в которой не было даже звука собственного дыхания, потому что Анна научилась дышать беззвучно — чтобы не слышать, как воздух входит и выходит из пустоты.

На кухонном столе стояла ваза. В ней — сухие ветки ромашек. Когда-то они были белыми, живыми, пахли мёдом и полем. Теперь от них остался только запах пыли и трухи. Но Анна не выкидывала их. Ромашки поставила туда дочь. Маленькими руками. Сказала: «Мама, это тебе, потому что ты красивая».

Анна дорезала морковь.

Рука потянулась к картофелине. Кожура уже была счищена накануне вечером — картофелина лежала в миске с водой, успела пустить корни. Маленькие белые отростки, похожие на червей.

Анна взяла её. Пальцы чувствовали холодную, скользкую поверхность. Она поднесла картофелину к носу — по привычке. И почувствовала.

Запах ромашек.

Свежих. Живых. Тех, от которых щиплет в носу и хочется чихнуть.

Анна замерла. Нож застыл в сантиметре от картофелины.

Запах шёл не от вазы. Не из пустой комнаты. Он шёл из-за её спины. Оттуда, где на кухонном пороге — там, где у неё никогда не было порога, потому что кухня студийной планировки плавно перетекала в коридор — прямо сейчас кто-то стоял.

Анна не обернулась.

Она знала, что никого нет. Она проверила все замки. Дважды. Она жила одна четыреста третий день. Соседи снизу — пожилая пара, которая не слышит даже пожарной сирены. Сосед сверху — студент, который появляется раз в неделю, чтобы забрать посылку. Никто не заходит к ней. Никто не оставляет запахов.

Кроме неё.

Только она.

Анна опустила картофелину. Нож — на доску. Повернулась.

Никого

Запах ушёл так же внезапно, как и появился. Осталась только вонь засохшей моркови, луковой плёнки и пыли.

— Дура, — сказала Анна вслух.

Голос прозвучал глухо. Словно она говорила из-под воды. В последние месяцы она почти не пользовалась им — стёрла резонаторы, сорвала связки в первые недели, когда орала в подушку. Теперь даже шёпот давался с трудом.

Она вытерла руки о грязные джинсы — стирала их в последний раз две недели назад, кажется — и вышла из кухни.

Коридор встретил её темнотой. Лампочка перегорела ещё в марте, и Анне было лень её менять. Она шла на ощупь, касаясь стены. Левая рука скользила по обоям с цветочным рисунком — рисунок выцвел, цветы превратились в призраков.

В гостиной было светлее. Сквозь грязные окна пробивался тусклый ноябрьский день. Анна посмотрела на диван. На нём лежало одеяло — детское, с зайцами. Она спала под ним каждую ночь, хотя оно было коротким для её роста. Ноги всё равно мёрзли.

Планшет

Он лежал на журнальном столике. Старый, потрёпанный, с трещиной на экране — дочь уронила его прошлым летом. За день до того, как...

Анна не закончила мысль. Она никогда не заканчивала эту мысль. Мысль о том, как они сидели в приёмной, как она держала маленькую горячую ладонь, как доктор выходил с папкой и отводил глаза.

Анна взяла планшет. Экран засветился — она никогда его не выключала, только ставила на зарядку. Пароль был детским: 1-2-3-4. Дочь смеялась: «Мама, ну какой это секрет?»

В папке «Видео» — три файла. Все, что осталось.

Первый: дочь в песочнице, лепит кулич. Ей четыре. Она напевает песенку про дождик.

Второй: Новый год. Она в костюме снежинки, кружится, пока не падает.

Третий: Больница. За два дня до... Дочь лежит на кровати, лысая, очень бледная. Улыбается. Говорит: «Мама, купи мне, пожалуйста...» Файл обрывается, потому что в палату вошла медсестра.

Анна открыла третий файл. В тысячный раз.

Дочь на экране. Те же глаза. Та же родинка на щеке. Тот же голос, тонкий, как струна.

— Мама, купи мне, пожалуйста... — говорит запись.

И тут Анна услышала то, чего никогда не слышала раньше.

Запись продолжалась.

— ...пожалуйста, не надо.

Анна выронила планшет.

Он упал на ковёр, экраном вниз. Голос дочери продолжал звучать — не из динамиков, а будто прямо в воздухе, со всех сторон сразу. Тот же детский тембр. Та же интонация, которой она просила ещё одну сказку на ночь.

Но слова были другими.

Не надо, мама. Пожалуйста, не надо.

Анна зажала уши ладонями. Голос не стих. Он стал громче. Глубже. И в нём появилось то, чего быть не могло — взрослая боль. Та, которую дети не умеют вкладывать в слова. Та, от которой сворачивается желудок и немеют пальцы.

Не надо меня...

Анна закричала.

Ни звука не вырвалось. Связки отказали. Она стояла на коленях в гостиной, раскрыв рот, сжимая виски, и кричала беззвучно, пока по щекам текли слёзы — первые за месяц.

Потом голос исчез.

Анна открыла глаза.

Планшет лежал на ковре, экран погас. В комнате было тихо. Но тишина стала другой. Живой. Она дышала.

Анна подняла голову и посмотрела в зеркало.

Старое, пыльное зеркало в прихожей — она видела его через открытую дверь. Стекло было идеально чистым. Она не протирала его никогда. Но сейчас оно сияло, как новое.

И было покрыто трещинами.

Тонкие линии расходились от центра — словно кто-то ударил кулаком. Но нет. Трещины складывались в форму. В чёткий, узнаваемый силуэт.

Детской ладони.

Пяти пальцев. Маленьких. Круглых.

Анна смотрела на отражение. Отражение смотрело на неё.

И в его глубине, за трещинами, за пылью, за временем — мелькнула улыбка. Та самая. С родинкой на щеке.

Анна медленно поднялась на ноги.

— Кисуня, — прошептала она.

Зеркало не ответило. Только трещины чуть удлинились — на миллиметр, не больше.

За окном стемнело. На кухне осталась недоваренная морковь. В вазе стояли сухие ромашки.

А в углу комнаты, там, куда не падал свет, кто-то тихо выдохнул.

Мама.

— —

Конец главы 1.

Глава 2. Белый шум

Анна просидела на полу сорок семь минут.

Она не считала — просто заметила, как тень от дивана переползла на стену, вытянулась, а потом исчезла, поглощённая сумерками. За окном погас последний серый свет. В квартире стало совсем темно, только в прихожей мерцало зеркало — чистое, но всё в трещинах, похожих на паутину.

Она не подходила к нему.

Тело онемело. Пальцы левой руки до сих пор сжимали подол футболки — там, где ткань промокла от слёз. Горло саднило. Анна попыталась сглотнуть — получилось, будто проглотила наждачку.

Кисуня

Это слово всё ещё вибрировало в воздухе. Она не была уверена, что произнесла его вслух. Может, только подумала. А может, зеркало прочитало мысли.

Планшет валялся на ковре в полуметре от неё. Экран погас, но красный индикатор зарядки miANAl — раз, два, три... как аварийный маячок.

Анна протянула руку. Кончики пальцев коснулись холодного пластика. Она ждала, что планшет взорвётся разрядом тока, закричит детским голосом, рассыплется в прах. Ничего не произошло.

Она подняла его. Перевернула.

Экран загорелся сам — без нажатия кнопки. Яркость была выкручена на максимум, хотя Анна всегда ставила на половину. Белый свет ударил в глаза, заставил зажмуриться. Когда она открыла их, на экране высветился рабочий стол.

Иконки приложений стояли на своих местах. Папка «Видео» — в углу. Три файла.

Но теперь появился четвёртый.

Анна не дышала. Она смотрела на новый значок — серый квадрат без превью, с названием из кракозябр. Не буквы. Не цифры. Просто набор вертикальных и горизонтальных чёрточек, похожих на следы ногтей на стекле.

Продолжительность: 00:00. Дата: завтра.

Анна моргнула. Дата не изменилась. Она снова посмотрела — на планшете значилось сегодняшнее число, 14 ноября, а у файла стояло 15 ноября.

— Этого не может быть, — прошептала она.

Голос сорвался на сип. Анна откашлялась — в горле будто застрял комоч сухой ваты.

Она ткнула пальцем в серый квадрат. Экран мигнул. Вместо видео открылся проигрыватель с полосой загрузки, которая не двигалась. Ноль процентов. Ноль секунд.

Но из динамиков пошёл звук.

Сначала Анна подумала, что это помехи. Шипение, треск, низкий гул — как если бы кто-то водил микрофоном по наждачной бумаге. Она хотела убавить громкость, но кнопки не реагировали.

Шум нарастал. Он заполнил комнату, просочился в щели, заставил пыль на люстре задрожать. Анна зажала уши — бесполезно. Шум был везде. В стенах. В полу. В её собственных костях.

А потом сквозь белый шум прорвался голос.

Не её дочери. Не её собственный. Какой-то третий — механический, искажённый, словно его пропустили через мясорубку и склеили заново. Он говорил на языке, которого Анна не знала, но почему-то понимала каждое слово.

Не включай. Не включай. Не включай.

Три раза. Один за другим. Потом шум резко оборвался.

Планшет выключился сам. Экран стал чёрным, как зеркало в прихожей. Анна смотрела на своё отражение — растрёпанные волосы, опухшие веки, губы в трещинах.

И улыбнулась

Улыбка вышла кривой, неестественной — мышцы лица забыли, как это делается. Но Анна улыбалась. Потому что если в голову приходит мысль «я схожу с ума», значит, ты ещё не сошла. Безумцы не знают, что они безумцы. А она знала. Знала и улыбалась этому знанию, как старому другу.

— Отлично, — сказала она вслух. — Отлично. Значит, у меня галлюцинации. Или... или вирус. Или...

Она не договорила. Встала на ноги — колени хрустнули, как сухие ветки. Сделала два шага к кухне, чтобы выпить воды. И замерла.

На пороге кухни — там, где полчаса назад ей почудился запах ромашек — теперь лежал детский носок.

Розовый. С зайцем на щиколотке. Маленький — на ножку пятилетнего ребёнка.

Анна узнала его. Она сама купила эту пару в «Детском мире» за три недели до... Она сама надевала их дочери каждое утро, пока пальцы не запоминали мягкость ткани. Она сама сняла их в больнице — последний раз, уже с мёртвого тела, потому что медсестра сказала: «Вещи нужно забрать».

Она забрала. Сложила в пакет. Пакет отнесла в шкаф. Шкаф заперла на ключ. Ключ положила в ящик с нижним бельём, под стопку старых фотографий.

Носок не мог лежать на пороге кухни.

Анна наклонилась, чтобы взять его. Пальцы прошли сквозь ткань. Сквозь розовый цвет. Сквозь зайца.

Носок был иллюзией. Миражом. Она коснулась пола — холодного, грязного линолеума. И ничего больше.

Она выпрямилась. Посмотрела на свои руки — они дрожали. Посмотрела на кухню — там стояли миски с заветрившимся луком, морковными кружками и картошкой с корнями-червями.

Носок исчез.

Анна прислонилась спиной к косяку. Вдохнула. Выдохнула. Повторила пять раз, как учил психотерапевт на сессиях, которые она бросила полгода назад.

— Ты просто устала, — сказала она пустой квартире. — Ты не спала нормально... давно. Ты почти не ешь. У тебя обезвоживание. Галлюцинации — это нормально. Это... защитный механизм.

Она почти поверила себе.

И тут зеркало в прихожей треснуло снова.

Анна не слышала звука. Ни хруста, ни звона. Но увидела, как новая трещина отделилась от силуэта ладони и поползла вверх, к краю стекла — медленно, как настоящая змея. Доползла до середины. Остановилась.

А потом из трещины — тонкой, как волос — начала сочиться жидкость.

Прозрачная. Блестящая в темноте. Она стекала по зеркалу каплями, не падая на пол, а испаряясь на полпути. И вместе с ней в прихожую вернулся запах ромашек. Свежих, полевых, мокрых от росы.

Анна сделала шаг назад. Спина упёрлась в стену.

— Нет, — сказала она. Громче, чем хотела. — Нет. Нет. Нет.

Зеркало не слушалось. Трещины расходились всё дальше, сплетаясь в новый узор. Не ладонь. Не детский силуэт. А слово.

Анна прочитала его по буквам, потому что трещины были тонкими и путались.

П о м н и ш ь?

Она зажмурилась. Сильно, до искр в глазах. Открыла.

Зеркало стало обычным. Чистым. Без единой трещины. В нём отражалась прихожая: вешалка, старые кроссовки, зонт. И она — растрёпанная, худая, с лихорадочным блеском в глазах.

Анна медленно подошла к зеркалу. Протянула руку. Провела пальцами по гладкому стеклу.

Ничего. Холодное. Сухое.

Она выдохнула — и в этот момент планшет, оставленный на полу в гостиной, снова включился. Сам. Белый экран осветил комнату. И оттуда, из динамиков, пошёл не белый шум.

Колыбельная

Та самая, которую Анна пела дочери каждую ночь. «Спят усталые игрушки». Голос был её собственным — запись, которую она никогда не делала.

Но в конце, там, где должна была быть последняя строчка про «завтра наступит день», голос осекался. Затихал. И вместо него детский шёпот произносил:

— Мама, посмотри, что у меня есть.

Анна обернулась.

На экране планшета — не чёрном, не белом, а мерцающем всеми цветами сломанного телевизора — мелькнуло лицо. Родинка на щеке. Лысая голова. Широко открытые глаза.

Девочка на экране улыбалась. И в руках у неё была голова. Голова Анны.

— Я тебя слепила из того, что было, — сказала девочка голосом взрослой женщины.

Экран погас.

В квартире воцарилась тишина. Настоящая. Мёртвая.

Анна стояла посреди коридора, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в ладони до крови. Она не чувствовала боли. Она чувствовала только одно — холод, который полз из зеркала, из планшета, из пустых комнат.

Холод, от которого стынет кровь в жилах.

Она знала этот холод. Однажды она уже чувствовала его — в день, когда врач вышел из реанимации и покачал головой.

Тогда холод пришёл, чтобы забрать дочь.

Теперь он вернулся.

За ней.

Конец главы 2.

Глава 3. Первый скол

Анна не помнила, как оказалась в ванной.

Один миг — она стояла в коридоре, впиваясь ногтями в ладони. Следующий — её уже выворачивало наизнанку над унитазом, жёлчью и пустотой, потому что есть было нечего. Тело содрогалось в сухих спазмах, рёбра болели, будто их ломали изнутри.

Она подняла голову. Над раковиной висело маленькое круглое зеркало — единственное, которое осталось без трещин. В нём отражалось её лицо: серое, мокрое, с красными дорожками от слёз на щеках.

— Ты в порядке, — прошептала она отражению. — Ты просто... перегрелась. Или... или у тебя опухоль мозга. Это объясняет галлюцинации. Опухоль. Да.

Она усмехнулась. Звук вышел похожим на скулёж.

Сполоснула лицо ледяной водой. По телу пробежала дрожь, но стало легче — мысли прояснились, приобрели жестокую, режущую чёткость.

Факты

Первый: её дочь умерла четырнадцать месяцев назад.

Второй: с тех пор Анна живёт одна.

Третий: сегодня она слышала голос дочери из планшета, видела трещины на зеркале, запах ромашек, носок-галлюцинацию.

Четвёртый: либо она сошла с ума, либо в квартире кто-то есть.

Анна выбрала первое. Потому что второе было слишком страшным.

Она вышла из ванной, стараясь не смотреть в сторону прихожей, где висело большое зеркало. Прошла на кухню, включила свет — лампочка моргнула трижды и загорелась тусклым оранжевым. Налила стакан воды из-под крана. Выпила залпом. Ещё один.

На столе по-прежнему стояли миски с овощами. Картофелина с корнями смотрела на неё белыми глазками-ростками. Анна взяла нож, приставила к картофелине — и не смогла резать. Рука дрожала слишком сильно.

Она положила нож. Взяла телефон — обычный, не планшет. Набрала номер психотерапевта. Гудки. Четыре. Пять. Автоответчик: «Приём по записи, звоните в рабочее время».

Рабочее время закончилось три часа назад.

Анна бросила телефон на стол. Он упал рядом с миской, экраном вверх. И засветился — не от звонка, не от сообщения, а сам по себе, как планшет.

На экране открылось приложение «Заметки». Чистый лист. И курсор — мигающий, чёрный — начал печатать сам.

Т ы н е с х о д и ш с у м а.

Анна смотрела, как буквы складываются в слова. Пальцы не касались экрана. Телефон лежал на столе, а курсор двигался сам, оставляя за собой текст.

Т ы н и к о г д а н е б ы л а о д н а.

Она схватила телефон. Зажала кнопку выключения. Экран погас. Она держала кнопку ещё десять секунд, до онемения пальца, потом бросила аппарат в раковину. Пластик глухо стукнул о нержавейку.

Тишина

Анна стояла, опираясь руками о столешницу, и дышала — часто, поверхностно, как загнанная лошадь.

— Это стресс, — сказала она вслух. — Посттравматический психоз. Бывает. Проходит. Я выпью... выпью валерьянку. Или что там. У меня есть снотворное. Я посплю. Завтра всё пройдёт.

Она открыла аптечку — маленький пластиковый контейнер над раковиной. Внутри: бинт, зелёнка, парацетамол, корвалол. И пузырёк с зопиклоном — снотворное, которое выписал невролог после смерти дочери. Анна принимала его первые три месяца, потом бросила — оно вызывало кошмары.

Она вытряхнула одну таблетку на ладонь. Белую, круглую, ничем не примечательную. Запила водой из стакана.

— Просто спать, — пробормотала она, выходя из кухни. — Просто...

Она замерла на пороге гостиной.

На диване, под детским одеялом с зайцами, лежал планшет.

Анна чётко помнила, что оставила его на полу у стены. Но он лежал на диване. Экран светился. И на нём — знакомый серый квадрат, файл с датой «завтра».

Только теперь полоса загрузки сдвинулась. Один процент. Два.

Анна подошла к дивану. Села на край, не касаясь планшета. Взяла его двумя пальцами, будто он мог укусить. Полоса загрузки застыла на трёх процентах.

— Что ты такое? — спросила она у экрана.

Экран не ответил. Зато ответил голос — из пустоты комнаты. Не детский. Не взрослый. Какой-то промежуточный, словно кто-то учился говорить заново.

Ты знаешь.

Анна вскочила. Оглянулась. Никого.

— Покажись, — сказала она. Голос дрожал, но она заставила себя звучать твёрдо. — Если ты настоящий — покажись.

Тишина. Потом шорох — с кухни. Анна обернулась туда. Ничего. Шорох повторился из спальни. Потом из прихожей. Потом — над головой, с потолка.

Звуки шли отовсюду одновременно, но ни одного источника.

Анна закрыла глаза. Сжала кулаки. И когда открыла их — увидела, что зеркало в прихожей снова покрылось трещинами.

Но теперь трещины не складывались в ладонь. Они складывались в буквы. Чёткие, острые, как лезвия.

ПРОВЕРЬ ФАЙЛЫ.

Анна посмотрела на планшет. Полоса загрузки дошла до пяти процентов. Дата файла — 15 ноября. Завтрашнее число.

— Завтра ещё не наступило, — прошептала она. — Этого файла не может существовать.

А он существует, — прошептало зеркало. Или не зеркало, а воздух вокруг него. И завтра ты узнаешь правду.

— Какую правду?

Никто не ответил. Только планшет завибрировал — один раз, коротко. Анна опустила взгляд. На экране, поверх серого квадрата, появилось окно с текстом. Белые буквы на чёрном фоне.

Ты не помнишь, что случилось в больнице. Ты заблокировала это воспоминание. Но файл помнит всё. Завтра ты его посмотришь.

Анна засмеялась. Резко, истерично, взхлёб — так, что заболело горло.

— Я всё помню! — закричала она. — Я была там! Я держала её за руку! Врач сказал... она умерла от сепсиса, потому что иммунитет не восстановился! Я была там каждый день! Я помню каждый!

А последнюю ночь?

Смех оборвался.

Анна замолчала. В голове — пустота. Белый шум. Она попыталась вспомнить последнюю ночь. Ту самую — между тем, как дочь в последний раз открыла глаза, и тем, как врач покачал головой.

И не смогла.

Было утро. Или вечер? Она сидела в кресле. Дочь спала. Потом пришла медсестра. Потом... потом провал. Тёмное, липкое ничего. А следом — коридор, запах антисептика, и врач уже качает головой.

Ты не помнишь, потому что не хочешь помнить.

— Заткнись, — прошептала Анна.

Завтра ты вспомнишь. Файл поможет тебе.

Планшет погас. Зеркало в прихожей стало обычным — чистым, целым, без единой царапины. Только на полу под ним, на сером линолеуме, остались мелкие осколки стекла. Словно кто-то разбил что-то очень маленькое и очень хрупкое.

Анна подошла к зеркалу. Наклонилась. Подняла один осколок — острый, как бритва. На него упал свет из гостиной, и в глубине стекла ей почудилось лицо. Не её. Другое. С родинкой на щеке.

Она сжала осколок в кулаке. Кровь потекла по пальцам, капая на пол красными точками.

— Хорошо, — сказала она. — Я посмотрю. Завтра.

Боль от пореза была настоящей. Живой. Она отрезвляла лучше любого лекарства. Анна смотрела на кровь, на осколок, на своё отражение — и впервые за четырнадцать месяцев чувствовала не пустоту, а что-то другое.

Страх? Да.

Но ещё и злость.

Если за зеркалом кто-то прячется — она вытащит его наружу. Если файл хранит правду — она её узнает. Даже если эта правда убьёт её.

Она залила порез перекисью, замотала бинтом — плохо, на скорую руку. Легла на диван, натянула детское одеяло до подбородка. Снотворное начало действовать — веки тяжелели, мысли путались.

Перед тем, как провалиться в сон, она услышала последнее. Шёпот — совсем рядом, почти в ухо.

Спокойной ночи, мама.

Анна не ответила. Она уже спала.

И во сне ей снилась больница. Длинный белый коридор. Запах хлорки. И дверь в палату, из-за которой доносился детский смех.

Она шла на этот смех. Открывала дверь.

И просыпалась

Каждый раз — в последний момент. Потому что тело боялось того, что ждало за дверью. Даже во сне.

Даже там.

Конец главы 3.

Акт 2. Игла

Глава 4. Правило трёх шагов

Анна проснулась от того, что кто-то дышал ей в затылок.

Тёплый воздух касался шеи ритмично — вдох-выдох, вдох-выдох. Она не открывала глаза. Лежала неподвижно, считая чужие дыхательные циклы. Восемь. Девять. Десять.

Одеяло с зайцами сползло на пол. В комнате было холодно — батареи не топили с весны, а за окном ноябрь выдавливал последнее тепло из стен. Но дыхание на шее было горячим. Живым.

Одиннадцать. Двенадцать.

Анна резко села, развернулась.

Никого.

Подушка лежала ровно. Простыня сбита, но пуста. На стене — только выцветшие обои в цветочек.

Она выдохнула. Потрогала затылок — кожа там была влажной и тёплой. Словно кто-то действительно дышал на неё минуту назад.

Планшет лежал на полу у дивана. Тёмный. Безжизненный. Анна взяла его, нажала кнопку — экран загорелся, показывая рабочий стол. Четыре файла в папке «Видео». Три старых. И четвёртый — серый, с полосой загрузки.

Она замерла.

Полоса загрузки переместилась. Вчера было три процента. Сейчас — семь.

— Ты растёшь, — прошептала Анна.

Экран моргнул, как будто соглашаясь.

Она положила планшет на диван и пошла на кухню. Ноги босые ступали по холодному линолеуму — каждый шаг отдавался в позвоночник мелкой противной вибрацией. На столе всё осталось по-прежнему: миски с засохшими овощами, стакан с осадком воды, телефон в раковине.

Телефон она достала. Экран был разбит — маленькая трещина по диагонали, но аппарат работал. Анна проверила заметки. Чисто. Никакого самопишущего текста.

— Сегодня новый день, — сказала она себе твёрдо. — Ты выпалась. Снотворное помогло. Тебе лучше.

Она почти поверила.

Почти.

Потому что, когда она открыла холодильник, чтобы достать йогурт, изнутри пахло не прокисшим молоком, а ромашками. Анна захлопнула дверцу. Открыла снова. Обычный холодный воздух с ноткой старой капусты.

Она сделала кофе — растворимый, без сахара. Стояла у окна, глядя на серое утро, и пила маленькими глотками. За окном дворник мёл листву. Обычный человек в оранжевом жилете. Анна смотрела на него и завидовала — ему не нужно было возвращаться в квартиру, где зеркала трескаются сами собой.

Закончив кофе, она решила действовать. Не как безумная, а как инженер — по образованию Анна была технарём, работала в конструкторском бюро, пока не ушла в декрет, а потом и вовсе не вернулась. Логика, схемы, причинно-следственные связи. Она попробует подойти к происходящему как к задаче.

Проблема: необъяснимые феномены (голоса, запахи, текст, трещины). Гипотеза: либо галлюцинации, либо внешнее воздействие. Эксперимент: проверить объективные закономерности.

Анна взяла телефон, включила диктофон. Прошла в гостиную, села на диван, положила планшет на колени.

— Начинаю наблюдение, 15 ноября, 9:47 утра, — сказала она в запись. — Планшет выключен. Полоса загрузки файла номер четыре — семь процентов.

Она замолчала. Ждала.

Ничего.

— Попробую воспроизвести старый файл, — продолжила она. — Третий. Больничная запись.

Она открыла папку, нажала на третий файл. Дочь на экране — лысая, бледная, улыбается.

— Мама, купи мне, пожалуйста...

Анна затаила дыхание. В прошлый раз запись продолжилась словами «не надо». Сейчас — дочь замолчала на том же месте, где всегда обрывалось. Никакого продолжения. Только шипение пустоты.

— Чисто, — прошептала Анна. — Вчера было продолжение. Сегодня — нет.

Она перезапустила файл. Ещё раз. Ещё. Каждый раз — только «купи мне, пожалуйста», и тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.